

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ВРЕМЕНИ И ЕГО ПЕРИОДОВ В СЛАВЯНСКИХ ГОВОРАХ

Михаил Кондратенко

Институт лингвистических исследований,
Российская академия наук

mmkondratenko@gmail.com

Резюме. В статията се прави опит за интерпретация на понятието „време“ от гледна точка на обозначаване на целостта и завършеността на временни периоди чрез употребата на думи като **cēlъ* и **vъsъ*, както и с помощта на други лексикални средства. Анализират се семантичните особености на употребата на тези думи в различни славянски диалекти, основно северославянските. Правят се заключения относно наличието при тях на количествени характеристики на периодите. Изследват се също диалектни обозначения на миналото, настоящето и бъдещето, които благодарение на синтеза на значенията в рамките на една лексема създават синтезиран образ на времето, където миналото, настоящето и бъдещето не са разграничени, а преминават едно в друго, образувайки едно цяло.

Ключови думи: славянска диалектология; принципи на номинацията; номинация на времето; обозначения на миналото, настоящето и бъдещето

1. Введение

Вопрос об интерпретации понятия „время“, которое относится к важнейшим онтологическим категориям, чрезвычайно сложен. Традиционно его определяют как количественную меру движения. Уже И. Ньютон выделял такие разновидности времени, как абсолютное (длительность) и относительное (мера продолжительности) (Ньютон / Newton 1989: 30). С понятием длительности связывал дефиницию времени Б. Спиноза, характеризуя время как „модус мышления человека, служащий для объяснения длительности“ (Спиноза / Spinoza 1957: 278 – 279).

Проблема категориальной отнесенности времени является также объектом лингвистического изучения. Так, Е. В. Падучева, сомневаясь в истинности мнения о пространственной метафоре как основе всех употреблений слова *время*, полагает, что „у этого слова есть и своя онтологическая категория“, обозначая проблематику данного вопроса следующим образом: „слово *время* тоже понимается как обозначение чего-то существующего, и надо понять, к какой онтологической категории относится его денотат“ (Падучева / Paducheva 2004: 392 – 393).

Как показывает проведенное исследование, лексико-фразеологический материал народных говоров свидетельствует о важности эпистемологического аспекта трактовки понятия „время“. Одним из важнейших аспектов интерпретации времени в славянской темпоральной лексике является не только характеристика того или иного периода с точки зрения его длительности и связанных с ним аксиологических установок, но и представление „времени“ как родового понятия в его целостности, а периодов – в их полноте и завершенности. Что имеется в виду при использовании выражения „все время“? Является ли время абсолютной длительностью в том смысле, о котором писал И. Ньютон, или это лишь относительная, дискретная мера продолжительности? В каких категориях в этом отношении следует описывать время? К сложности определения понятия „все время“, то есть времени в его целостности, относится и субъективный характер восприятия говорящими, что констатировал И. Кант: „различные времена суть лишь части одного и того же времени ... время есть не что иное, как форма внутреннего чувства“ (Кант / Kant 2015: 39 – 40).

В данной статье предпринят опыт ответа на эти вопросы на основании доступного лексического материала, поэтому оно не претендует на исчерпывающий характер выводов. Для исследования была использована лексика, зафиксированная в диалектных словарях главным образом северославянских говоров. Она не состоит исключительно из диалектизмов, поскольку в словарный фонд народных говоров входят и общеупотребительные языковые единицы.

2. Использование **cēlъ* и **vъzъ* для обозначения целостности или завершенности периода

Важной характеристикой времени в славянских говорах является его полнота, целостность, завершенность. Часто подобное значение манифестируется с помощью лексемы **cēlъ* ‘целый’ и ее рефлексов. При этом на славянской языковой территории наблюдается корреляция **cēlъ* с лексемой, восходящей к **vъzъ* ‘весь’. Этимологические словари дают следующие дефиниции этих лексем: *весь* – ‘целиком, целый, сполна, совсем’ (Аникин / Anikin 2013: 34; Фасмер / Vasmer 1: 304 – 305) (родственно литовскому *veištî* ‘выводить, разводить’); *целый* – ‘целиком, здоровый’ (Фасмер / Vasmer 4: 297), ‘весь, без изъятия, непочатый’ (Черных / Chernykh 1999: 364 – 365).

Разница в восприятии понятий ‘целый’ и ‘весь’ на русском и словенском материале посвящена работа Е. М. Коницкой. Согласно проведенному ею исследованию, на основании выявляемых дифференцирующих семантических компонентов определены различия в структуре лексического значения таких атрибутов времени, как ‘целый’ и ‘весь’: в частности „... для рус. *целый* и *весь* важна сема длительности (протяженности)... сема ‘ориентированность на внутреннюю структуру денотата’, характерная для русского *весь*, в словенском языке реализуется в *cel*; еще одно отличие словенского *cel* от русского *целый* – нерелевантность для словенского прилагательного признака определенности / неопределенности (этот признак отличает русское местоимение *весь* от прилагательного *целый*, употребляющегося в сочетании с обозначениями неопределенных объектов или множеств)“ (Коницкая / Konickaja 2011: 60 – 61).

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают, что в русском языке местоимение *весь* характеризует множество, известное адресату речи (*весь день* = весь этот день, *всю неделю* = всю эту неделю), то есть имеет в структуре своего значения сему ‘определенность’. Это значение отличает местоимение *весь* от прилагательного *целый*, употребляющегося в сочетании с обозначениями неопределенных объектов или множеств (ср. неупотребительность сочетаний типа *целый этот день*) (Булыгина, Шмелев / Bulygina, Shmelev 1988: 47).

Т. Менцель постулирует за лексемами *весь* и *целый* функцию, усиливающую значение существительного; однако *целый* служит для семантической характеристики денотатов, поддающихся количественной оценке, например для характеристики единиц измерения „необычной, особенной длительности“ *Oficerowie często po całych latach swoich pułków nie widywali* (Menzel 2014: 387, 432, 433).

Употребление лексем *целый* и *весь* обладает рядом особенностей в северославянских говорах.

В говорах русского языка для обозначения завершенности, целостности того или иного периода времени, помимо лексем *весь* и *целый* (*весь день*, *весь год*, *все время* и *целый день*, *целый год*, но не *целое время*), в качестве мотивирующего признака используется его полнота: в северо-русских говорах *полное утро* ‘утреннее время, когда полностью рассветает’ (*настало полное утро*); *полный возраст* ‘совершеннолетие’ (они ... обвенчают без спросу большаков, если жених и невеста в полных годах и из одного приходу) (СРНГ / SRNG 29: 84); *полный год* ‘целый, весь год’, *полный день* ‘целый день’ (*полный день в дому колгота*) (СРНГ / SRNG 29: 85).

В этом же диалектном ареале в темпоральном значении завершенности используются прилагательные *окольный* ‘целый, весь, от начала до конца’: *окольный год свежа рыба* (СРГК / SRGK 4: 183); *плотный* ‘целый, полный’: *мне семьдесят шесть плотных-то, семьдесят седьмой* (СРГК / SRGK 4: 550); кроме того, наречие *накруг* ‘в течение всего срока’ (ивняк – он насохне, жаркой, дак год топили накруг) (другое значение – ‘очень сильно’ (не попила чаю, голова дак накруг болит) (СРГК / SRGK 3: 339). Здесь следует отметить определенную закономерность: значение проявления чего-либо с большой силой соответствует в темпоральной семантической сфере завершенности периода времени, а лексическая семантика слабой интенсивности, непостоянства, прерывности – его непродолжительности (сравни: *межённый* ‘переменный (о погоде, ветре)’ (*межённый день* – дак это неодинаковая погода) и ‘быстротечный, непродолжительный’ (*зимой говорят: день-то какой межённый, сделать ничего не успеешь – уж темно*) (СРГК / SRGK 3: 214).

Понятие ‘всегда, все время’ может ассоциироваться с неизменным, постоянным наличием какого-либо предмета, используемого в быту человеком: в северорусских говорах – *безвыходно* (*пряники безвыходно, все время у нас; в Ленинграде колбаса безвыходно, с толстыми корками апельсины*); *безвыданно* (*берут грибы безвыданно: когда ни пойдешь, они всегда есть*) (СРГК / SRGK 1:

51). В этом диалектном ареале постоянство, непреходящий характер событий и ситуаций обозначается как нечто нескончаемое или неизменное: в значении ‘всегда, все время, постоянно’ – *безызводно* (нынѣ безызводно масло в магазине), *безызменно* (чтобы жена безызменно работала) (СРГК / SRGK 1: 54). Постоянство воспринимается как отсутствие перерывов: *бесперебойно* (летом он бесперебойно цветет) – или как нечто не имеющее возврата: *бесповоротно* (бесповоротно там в Великой Губе сдаем) (СРГК / SRGK 1: 70).

Также в северорусских говорах фиксируются лексемы *вовсе* ‘все время, постоянно’ (я маленька с Ленинграду вывезена, *вовсе* в деревне-то прожила) и *завсе*, *завсё* ‘всегда, постоянно’ (у меня *завсе* голова болит) (СРГК / SRGK 2: 99); значение постоянства здесь соотносится с понятием беспрерывности (три зимы *вовсе* жили в доцки) (СРГК / SRGK 1: 209).

В юго-западных украинских говорах также можно наблюдать дифференциацию атрибутики времени: наряду с употреблением лексемы *ц’іль* (< **cēlъ*) отмечены и сходные случаи с использованием лексемы *весь* (< **vъsъ*).

В закарпатских украинских говорах представлены следующие примеры с рефлексами **vъsъ*: *мамка пробул’іли вс’у зиму; пропостила ус’ый пуст; ус’ый вийчур* (Сабадош / Sabadosh 2008: 288, 293, 295), в буковинских – *він увес час передніцій як з жнівами, так і з сіням* (Бук. / Buk. 2005: 399); *як так буди фурделити усю ніч, то завтра ни зможемо поїхати за дровами* (Бук. / Buk. 2005: 606). В значении ‘навсегда, на всю жизнь’ в бойковских говорах может использоваться наречие *навсе* (колись женилися *навсе*, ни то, що нині) (Центр-бойк. / Centr-boik. 2013: 292); в закарпатских говорах *навсе* ‘всегда, вечно’ (іс’у канту мамка ми дали *навсе*) (Сабадош / Sabadosh 2008: 181).

С прилагательными, производными от **cēlъ*, в этом диалектном ареале фиксируются следующие выражения: в буковинских говорах *бідні коники, які ж вони змучині, то що шутки цілій день кір крутити* (Бук. / Buk 2005: 204), в закарпатских – *у лагрови марга ц’іле л’іто живе* (Сабадош / Sabadosh 2008: 158). Полнота и завершенность характеризуют и пространственное значение этой лексемы *цілій*: *від цілого хліба, коли перший раз крає, то цілушка, напослідку крайчик* (Бук. / Buk. 2005: 230). При этом следует отметить, что в закарпатских говорах лексема *ціле* обозначает также более высокую степень проявления признака и обладает значением ‘очень, слишком’: *типір уже вижу, що вто ц’іле дурний чулувік* (Сабадош/ Sabadosh 2008: 408).

Протяженность всего выбранного периода времени, например лета, может выражаться имплицитно, при отсутствии лексемы со значением ‘весь’ или ‘целый’: *за л’іто с’а наша корова файно упасла* (Сабадош/ Sabadosh 2008: 359), аналогично в бойковских говорах: *на динь* ‘на весь день’ (дотя на динь прийду помочи, більше ни бізую) (Центр-бойк. / Centr-boik. 2013: 125).

В северо-западных белорусских говорах отмечено употребление лексем *ўвесь* и *цэлы*, а также существительного без этих атрибутов, но также со значением полноты, целостности: *жрае карова ўвесь дзень; весь дзень прарабіла, не знаю, ці многа зарабіла* (СБГ / SBG 2: 246); *лупіць гарэлку ўсё ўрэмя* (СБГ / SBG 2: 687); *нічко баламутыв ввесь вчор, няку дурныцю* (СБГ / SBG 1: 155). Для характеристики различных отрезков времени используется и лексема *целый*: *драгаў у дзвёры цэлы час; жара вялікая, сягоння цэлую ноч блузніў* (СБГ / SBG 1: 197); *на куцю боп варылі і ўдзень елі – цягаем і ядзем цэлы дзень* (СБГ / SBG 1: 206), *палешукі боўтаюць у раке плація цэлы гом* (СБГ / SBG 1: 209), *ей бракавала гадоў, бракавала цэлы рок* (СБГ / SBG 1: 211 – 212); *цала жыце пражыў, канец жыця* (СБГ / SBG 2: 170).

В северо-западных белорусских говорах для манифестации значения ‘всегда, все время’ употребляется лексема *скрэз(с)ы*: *мы скрэсъ добро жывом; баба скрэсъ так насіла; і машыны, і трактары скрэсъ ходзяць зімой па возеры; по-видимому, здесь временное значение соотносится с пространственным: скрэзъ ‘на всем протяжении’* (СБГ / SBG 5: 459).

Так же, как в юго-западных украинских говорах значение всего периода может передаваться без использования *целый* и *весь*: *куры пражорлівія, жэруць дзень* (СБГ / SBG 2: 154).

Для обозначения завершенности, цельности периода в северо-западных белорусских говорах могут использоваться и морфологические средства, например префиксы: *падзень* ‘целый день’ (яна падзень хране) (СБГ / SBG 3: 307).

В кашубских говорах время может характеризоваться лексемой *všeden*, производной от **vъsъ*: *všeden čas sq moedléla před woeltóře* ‘все время молилась перед алтарем’ (Ramułt 1893: 257), *všeden čas volni posväcił xorim* ‘все свободное время посвятил больным’ (Sychta 6: 115). Встречаются также обозначения с прилагательным **cēlъ* – *woena sq tak cały Žen végňótó* (она так возилась целый день)

(Ramułt 1893: 244); *woeb całq zémą* (в течение всей зимы, буквально: целой зимы) (Ramułt 1893: 269). Здесь заслуживает внимания именно это сочетание с лексемой *zémą*, не имеющей указания на строго определенные границы.

Для лужицкой темпоральной лексики характерны словосочетания с **cělъ: cyły dzień, cyłyczki dzień* ‘целый день’ (Pfuhl 1866: 68), а также прилагательные *cyłodniowy, cyłodzeński, cyłodny* ‘длящийся целый день’ *cyłoleśny* ‘круглогодичный’, *cyłomiesiączny* ‘длящийся целый месяц’, *cyłonocny* ‘длящийся целую ночь’ (Pfuhl 1866: 67). Используется, кроме того, слово *cyło*, которое может обозначать как максимально отвлеченные понятия ‘все, совокупность, целостность’, так и более узкое понятие ‘все время’: *wón je tu cyło był* ‘он был тут все время’ (Pfuhl 1866: 67); то же значение имеет существительное *cyličko* ‘все время’ (Pfuhl 1866: 68). Вероятно, в говорах лужицкого языка, в отличие от русских, при характеристике времени как родового понятия и таких его периодов, как ночь или день снимается ограничение по семантической категории определенности / неопределенности (в русском языке возможно употребление, как и в лужицком примере *cyły dzień, целый день*, но, в отличие от лужицкого *cyličko*, невозможно *целое время*).

Из других лехитских говоров отметим лексему *wse* ‘всегда, постоянно’ в польских подгалицких (Rak 2016: 388).

3. Целостность времени как единство прошлого, настоящего и будущего

Человек пребывает в постоянном теперь, сейчас, и это постоянное „теперь“ создает его земную жизнь, которая для него есть „все время“. Время жизни нашего современника как знак отнесенности к вечности в лексической системе говоров может отсчитываться от Рождества Христова: *от рождения господня* ‘всю жизнь’ (*от рождения господня не особо грамотен, четыре класса от рождения господня*) (СРГК / SRGK 5: 550).

„Теперь“ – это не только сию минуту, но и в этом году, и на протяжении более длительных периодов. В сознании человека происходит синтез пережитого прошлого и предполагаемого на этой основе будущего.

В результате для стратификации действия во временном континууме актуальным становится не отнесенность события, состояния, процесса к прошлому или к будущему, а степень его удаленности от той или иной разновидности „теперь“ в рамках единого, цельного временного континуума: *ночесь* в севернорусских говорах – ‘прошлой ночью’ (*с таким аппетитом я спала ноцесь*) и ‘будущей ночью’ (*ночесь буду делать уколы*) (СРГК / SRGK 4: 48 – 49); *ноцес* в болгарских говорах – ‘минувшей ночью’ (в прошлом) и ‘следующей ночью’ (в будущем) (БЕР / BER 4: 697 – 698).

Б. А. Успенский отмечал, что восприятие времени, безусловно, культурно обусловлено, а это означает, что в разных культурах время может переживаться – восприниматься, концептуализироваться и оцениваться – по-разному. Различие между прошлым, настоящим и будущим кажется универсальным явлением, но отношения этих категорий могут кардинально отличаться в разных культурных кодах (Uspenskij 2017: 231).

С точки зрения В. Эванса, „... события, которые были пережиты, концептуализируются как увиденные. Вещи, которые видны, расположены перед эго, в силу человеческой физиологии. Из этого следует, что прошлое концептуализируется как находящееся перед эго. Напротив, события, которые еще предстоит пережить, концептуализируются как находящиеся за эго, место, недоступное человеческому зрительному аппарату“ (Evans, Green 2006: 94).

И. М. Тронский писал в свете задач реконструкции общеиндоевропейского глагольного строя: „Будущее как объективная понятийная категория предполагает уже развитое представление о закономерности мира. Пока этого нет, люди говорят о будущем как о сфере своих ожиданий, предположений, пожеланий и т. д., и для его выражения служат модальные категории“ (Тронский / Tronskij 1967: 92). То есть в представлениях о будущем запечатлен опыт жизни в прошлом. Именно этот феномен, возможно, отражается и в лексике, обозначающей прошлое и будущее. Прошлое переходит в настоящее, а из настоящего рождается будущее. Однако, представляя будущее, говорящий переносит моменты прошлого по другую сторону от актуальной точки отсчета на оси времени.

Характерной особенностью народного восприятия времени, запечатленного в говорах, является отсутствие прерывности и декларируемой обычно линейной последовательности между прошлым, настоящим и будущим. Между ними существует тесная связь, реализуемая в семантической сфере словарного состава и устойчивых выражений. В этом отношении особый интерес вызывают лексемы, семантика которых синтезирует в себе представление о времени как о едином пространстве, фрагменты которого, скорее, дополняют друг друга, а не противопоставляются.

В частности, это может проявляться в сочетании значений одной лексемы, отсылающих нас то в прошлое, то в будущее: так, в северорусских говорах лексема *напредки* обладает значениями как ‘в будущем’, так и ‘сперва, сначала’ (то есть, фактически – в прошлом) (*приходите к нам напредки посидеть – ‘впредь, в будущем’; напредки не почувствовал, а потом больно стало – ‘сперва, сначала’*) (ЯОС / IaOS 6:108).

В данном диалектном ареале лексема *летось* имеет значения ‘прошлым летом, в прошлом году’ (*летось сколько животин поцапали кто-то*) и ‘этим летом’ (*летось – это сей год, а прошлый год, это уж не летось*) (СРГК / SRGK 3: 119); а лексема *нынче* – ‘сегодня’ и ‘недавно’ (*нынче – это у нас не сегодня, а недавно*) (СРГК/ SRGK 4: 56); *стогда* ‘давно, когда-то’ (*стогда думала, когда-то думала про детей, про мужа*) и ‘вслед за этим’ (то есть после какого-события, в будущем по отношению к первому действию) (*сперва голышку связешь, а стогда носок начнешь*) (СРГК / SRGK 6: 337); *этта* (*этто*) ‘недавно’ (*этто было тепло, а нонь нет тепла*) и ‘в настоящее время, теперь, сейчас’ (*этто я отворю подпольницу, спущу тебя*) (СРГК / SRGK 6: 939); *даветь* ‘недавно’ (*даветь ходили в сад, набрали много зелени*) и ‘давно, в старину’ (*венцы даветь были звенячи*).

Лексема *ономедь* в северорусских говорах включает в себя весь спектр значений от прошлого до будущего: ‘недавно’ (*посидни нацевала она у нас; ономидь, кто скаже ономидь, кто посидни, а все одно – недавно*), ‘давно’ (*ономедь это было, ну, давно, в прежние времена*), ‘очень скоро, в ближайшее время’ (*ономедь в город съездить надобно, посмотреть парнишке пальто*) (СРГК / SRGK 4: 201). В этом же диалектном ареале выражение *на годах* обозначает ‘недавно, несколько лет назад’ (*я на годах в Мончегорск ездила, лет так пять назад*) и ‘в ближайшие годы’ (*он должен на пенсию выходить на годах*), а при наличии уточнения с помощью местоимения *этот* – только ‘несколько лет назад’ (*на этих годах она была на Кубе*) (СРГК / SRGK 1: 350); *недолго* ‘в скором времени, через небольшое время’ (то есть в будущем) (*по тяпне будешь ходить, недолго сапоги вырвешь*) и ‘недавно’ (то есть в прошлом) (*недолго платок одела и уже откинула*) (СРГК / SRGK 3: 403).

В северо-западных белорусских говорах фиксируется лексема *ка(г)дзе* ‘недавно, только-что’ (*кагдзе карміла куранят – и зноў крычаць*) и ‘через некоторое время, быстро’ (*некагдзе прыдзе ён*) (СБГ / SBG 2: 355 – 356).

В кашубских говорах лексема *vic* обладает значениями ‘обычно, как всегда’ и ‘раньше, прежде’: *woen vic taći zły ne byvēl* (он обычно таким злым не был) и *ten ksɔj̃ vic tak ne važēl* (этот ксендз раньше так не ругал) (Ramułt 1893: 252). Постоянство связывается в данном случае с прецедентами в прошлом.

Подобные семантические сдвиги, вследствие которых актуализируется удаленность события от момента речи, неопределенность его положения на временной оси, а не направленность в прошлое или будущее, можно наблюдать и в других диалектных зонах Славии: лексема *другуч* в родопских говорах болгарского языка манифестирует одновременно семемы ‘в другой раз’ (то есть в будущем) и ‘когда-то, раньше’ (в прошлом) (Стойчев / Stoychev 1970: 167).

4. Выводы

На основании использованного для исследования материала, можно говорить о наличии такой категории в лингвистической интерпретации времени, как его полнота, целостность, завершенность. В соответствующей семантике славянской темпоральной лексики, репрезентирующей данную категорию, присутствуют три аспекта: 1) ‘вечность, *aeternitas*’, 2) ‘время жизни человека’, 3) ‘период, интервал’.

Два первых аспекта в лексике часто соединяются в едином восприятии, например время как абстрактное понятие (*tempus*, абсолютное время) и время жизни. Так, возраст человека, количество

прожитых лет обозначается в северорусских говорах как время вообще: *она толком не знает, сколько времени ей* (СРГК / SRGK 1: 242). Интерпретация времени как неразрывного единства прошлого, настоящего и будущего, синтезируемого в ментальной деятельности человека, представлена многозначными лексемами, соединяющими различные темпоральные значения в цельный образ.

В обозначениях полноты и завершенности периодов времени наблюдается использование рефлексов праславянских *сēль и *въль. Доступные для анализа данные славянских народных говоров позволяют сделать вывод об отсутствии единых принципов семантической корреляции этих лексем на северославянской языковой территории. В лехитских говорах преобладает употребление *сēль, производные от *въль используются реже. В восточнославянских говорах лексемы, восходящие к *сēль, передают главным образом количественную полноту и завершенность (там, где она может быть обозначена, то есть в обозначениях периодов, характеризуемых теми или иными границами); когнаты *въль используются как в этой функции, так и для номинации времени как бесконечности, не обладающими какими-либо границами.

Таким образом, диалектная славянская лексика содержит обозначения для времени как единого целого, соединяя его части (по Канту – одного и того же времени) в единство.

Цитирана литература / References

- Аникин 2013: Аникин, А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 7. Москва: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. (Anikin 2013: Anikin, A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'*. Vyp. 7. Moskva: In-t rus. iaz. im. V. V. Vinogradova RAN.)
- БЕР 1971 – 2010: *Български етимологичен речник*. Т. 1 – 3. София: Издателство на Българската академия на науките. Т. 4 – 7. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“. (BER 1971 – 2010: *Balgarski etimologichen rechnik*. T 1 – 3. Sofia: Izdatelstvo na Balgarskata akademiya na naukite. T. 4 – 7. Sofia: Akademichno izdatelstvo „Prof. Marin Drinov“.)
- Бук. 2005: *Словник буковинських говорівок* / За заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці: Рута. (Buk. 2005: *Slovnyk bukovyns 'kyh govirok* / Za zag. red. N. V. Gujvanjuk. Chernivci: Ruta.)
- Булыгина, Шмелев 1988: Булыгина, Т. В., А. Д. Шмелев. Несколько замечаний о словах типа несколько (к описанию квантификации в русском языке). – В: *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, с. 44 – 54. (Bulygina, Shmelev 1988: Bulygina, T. V., A. D. Shmelev. Neskol'ko zamechanii o slovakh tipa neskol'ko (k opisaniyu kvantifikacii v russkom iazyke). – In: *Iazyk: sistema i funkcionirovaniye*. Moskva: Nauka, pp. 44 – 54.)
- Кант 2015: Кант, И. *Критика чистого разума*. Москва: Эксмо. (Kant 2015: Kant, I. *Kritika chistogo razuma*. Moskva: Eksmo.)
- Коницкая 2011: Коницкая, Е. М. Русско-словенские лексические параллели. – *Slavistika Vilniensis, Kalbotyra* 56 (2), pp. 53 – 66. (Konickaja 2011: Konickaja, J. M. Russko-slovenskie leksicheskie paralleli. – *Slavistika Vilniensis, Kalbotyra* 56 (2), pp. 53 – 66.)
- Ньютон 1989: Ньютон, И. *Математические начала натуральной философии*. Москва: Наука. (Newton 1989: Newton, I. *Matematicheskie nachala natural'noi filosofii*. Moskva: Nauka.)
- Падучева 2004: Падучева, Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры. (Paducheva 2004: Paducheva, E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike*. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury.)
- Сабадош 2008: Сабадош, І. *Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району*. Ужгород. (Sabadosh 2008: Sabadosh, I. *Slovnyk zakarpats 'koi' govirkы sela Sokyrnycja Hустs 'kogo rajonu*. Uzhgorod.)
- СБГ 1979 – 1986: *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-захадній Беларусі і яе пагранічча*: у 5 т. Мінск: Навука і тэхніка. (SBG 1979 – 1986: *Slownik belaruskikh gavorak pownochna-zahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha*: u 5 t. Minsk: Navuka i tjehnika.)
- Спиноза 1957: Спиноза, Б. *Избранные произведения в двух томах*. Том первый. Москва: Государственное издательство политической литературы. (Spinoza 1957: Spinoza, B. *Izbrannye proizvedeniia v dvukh tomakh*. Tom pervyi. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury.)
- СРГК 1994 – 2005: *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*: в 6 вып. Санкт-Петербург. (Slovar' russkikh gavorov Karelii i sopredel'nykh oblastei: v 6 vyp. Sankt-Peterburg.)
- СРНГ 1965 – 2019: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1 – 51. Санкт-Петербург: Наука (SRNG 1965 – 2019: *Slovar' russkikh narodnykh gavorov*. Vyp. 1 – 51. Sankt-Peterburg: Nauka.)
- Стойчев 1970: Стойчев, Т. Родопски речник. – В: *Българска диалектология. Проучвания и материали. Книга V*. София: Издателство на БАН. (Stoychev, T. 1970: Rodopski rechnik. – In: *Balgarska dialektologiya. Prouchvaniya i materiali. Kniga V*. Sofia: Izdatelstvo na BAN.)

- Тронский 1967: Тронский И. М. *Общееевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)*. Ленинград: Наука. (Tronskii 1967: Tronskii, I. M. *Obshcheevropeiskoe iazykovoe sostoianie (voprosy rekonstrukcii)*. Leningrad: Nauka.)
- Фасмер 1986 – 1987: Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х томах. Москва: Прогресс. (Vasmer 1986 – 1987: Vasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. V 4-kh tomakh. Moskva: Progress.)
- Центр-бойк. 2013: Матіїв, М. Д. *Словник говорік центральної Бойківщини*. Київ, Сімферополь: Ната. (Centr-boik. 2013: Matii'v, M. D. *Slovnyk govirok central'noi 'Bojkivshchyny*. Kyi'v, Simferopol': Nata.)
- Черных 1999: Черных, П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*: В 2 т. Москва: Русский язык. (Chernykh 1999: Chernykh, P. Ia. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremenennogo russkogo iazyka*: V 2 t. Moskva: Russkii iazyk.)
- ЯОС 1981-1991: Ярославский областной словарь. Учебное пособие: в 10 вып. Ярославль: ЯГПИ имени К. Д. Ушинского (JaOS 1981-1991: *Iaroslavskii oblastnoi slovar'*. Uchebnoe posobie: v 10 vyp. Iaroslavl': JaGPI im. K. D. Ushinskogo).
- Evans, Green 2006: Evans, V., M. Green. *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd.
- Menzel 2014: Menzel, T. Der Instrumental des Ortes und der Zeit in den slavischen Sprachen. Zweiter Teilband. – *Studia Slavica Oldenburgensia* 24.2, hrsg. von Rainer Grübel, Gerd Hentschel und Gun-Britt Kohler. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg.
- Pfuhl 1866: Pfuhl, C. T. *Lausitzisch Wendisches Wörterbuch*. Budyšin: Maćica Serbska.
- Rak 2016: Rak, M. Materiały do etnografii Podhala. – *Biblioteka LingVario*. T. 22. Kraków.
- Ramułt 1893: Ramułt, S. *Slownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego*. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności.
- Sychta 1973: Sychta, B. *Slownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. T.6 U – Ź. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Uspenskij 2017: Uspenskij, B. A. Semiotics and culture: The perception of time as a semiotic problem. – *Sign Systems Studies*, vol. 45, № 3/4, pp. 230 – 248.

THE DESIGNATION OF THE WHOLENESS OF TIME AND ITS PERIODS IN SLAVIC DIALECTS

Mikhail Kondratenko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

mmkondratenko@gmail.com

Abstract. In this article, an attempt is made to interpret the concept of time from the perspective of designating the integrity and completeness of time periods using words like **cēlъ* and **vѣsъ*, as well as through other lexical means. The semantic features of these words in various Slavic dialects, primarily North Slavic ones, are analyzed. Conclusions are drawn about their emotional and quantitative characteristics of periods. Dialectal expressions for past, present, and future are also explored, which, thanks to the synthesis of meanings within a single lexeme, create a synthesized image of time where past, present, and future are not separated but transition into one another, forming a unified whole.

Keywords: *Slavic dialectology; principles of nomination; nomination of time; designations of the past; present and future*

Mikhail Kondratenko
Institute for Linguistic Studies RAN
9 Tuchkov per.
St.-Petersburg, 199053
Russia